

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

UDC 930.2

LBC 63.3(2)6:63.3(2)614(235.7)

Submitted: 13.12.2021

Accepted: 18.02.2022

COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SOVIET ERA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENTIFIC RESEARCH¹

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation

Vitaly A. Bondarev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Gennady G. Matishov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. In modern Russian historiography, an unacceptable situation has developed since the Soviet period in the history of the Cossacks has not yet become the subject of sufficient research attention; therefore, a common vision of the reference points of scientific research has not taken shape. The article is aimed at studying the methodological and historiographic plots of the Soviet history of the Cossacks of the South of Russia in order to clarify unexplored plots and aspects, to determine further directions of scientific research. **Methods and materials.** We have at our disposal a number of significant historiographic facts that allow us to identify current historiographic trends in the study of the Soviet history of the Cossacks of the South of Russia. To do this, the article uses the method of system analysis and expert evaluation of historiographic facts, which provides the final argumentative logos. In a number of cases, the authors draw on archival materials to clarify and reinforce their positions. **Analysis.** The Soviet period in the history of the Cossacks of the South of Russia has been studied extremely unevenly, and this leads to distortions in the interpretation of individual problems. Excessive fascination of many modern authors with stories of decossackization creates a historical background of the tragic existence of the Cossacks in the Soviet era. As a result, the mass heroism of the Cossacks during the Great Patriotic War is involuntarily obscured by the difficult historical past and the plots of Cossack collaborationism. Decades of life of many generations of Cossacks are voluntarily or involuntarily deleted from the general history of the Cossacks. Therefore, it is important to identify the whole range of topical issues in the study of the Soviet period in the history of the Cossacks of the South of Russia, where there is also a positive historical experience. **Results.** The article outlines the established stages in the historiography of the Cossacks of the Soviet era and provides examples of specific studies on certain issues of Cossack history. The main directions of further research are determined with brief characteristics of the named plots. **Contribution of authors.** The creation of the concept of the article, the development and description of the research methodology, the conceptual apparatus, and the analysis of the involved content belongs to A.P. Skorik. The selection of archival materials and historiographic facts, as well as their primary analysis, was carried out by V.A. Bondarev. Conceptual editing, identification of a number of historiographical trends and addition of source materials with historiographic facts were carried out by G.G. Matishov. The final scientific and literary editing of the text of the article was carried out by A.P. Skorik and V.A. Bondarev.

Key words: archetypes, historiographic fact, historical experience, Cossacks, methodology, politicization, decossackization, repressive cycles.

Citation. Skorik A.P., Bondarev V.A., Matishov G.G. Cossacks of the South of Russia in the Soviet Era: Problems and Prospects of Scientific Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 219-236. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

УДК 930.2
ББК 63.3(2)6:63.3(2)614(235.7)

Дата поступления статьи: 13.12.2021
Дата принятия статьи: 18.02.2022

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Виталий Александрович Бондарев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Геннадий Григорьевич Матишов

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В современной российской историографии сложилась неприемлемая ситуация, когда советский период истории казачества еще не стал предметом достаточного исследовательского внимания, поэтому не оформилось общее видение реперных точек научных изысканий. Статья нацелена на изучение методологических и историографических сюжетов советской истории казачества Юга России для выяснения неисследованных сюжетов и аспектов, определения дальнейших направлений научного поиска. В нашем распоряжении имеется ряд знаковых историографических фактов, позволяющих выявить актуальные историографические тенденции в изучении советской истории казачества Юга России. Для этого в статье применяется метод системного анализа и экспертной оценки историографических фактов, что обеспечивает итоговый аргументативный логос. В ряде случаев авторы привлекают архивные материалы для уточнения и подкрепления своих позиций. Советский период в истории казачества Юга России изучен крайне неравномерно, и это приводит к перекосам в интерпретации отдельных проблем. Чрезмерное увлечение многих современных авторов сюжетами рассказывания создает исторический фон трагедийности существования казачества в советскую эпоху. В результате массовый героизм казаков в годы Великой Отечественной войны невольно затеняется трудным историческим прошлым и сюжетами казачьего коллаборационизма. Десятилетия жизни многих поколений казаков вольно или невольно вычеркиваются из общей истории казачества. Поэтому важно обозначить весь круг актуальных вопросов в изучении советского периода в истории казачества Юга России, где имеется и позитивный исторический опыт. В статье обозначаются сложившиеся этапы в историографии казачества советской эпохи и приводятся примеры конкретных исследований по тем или иным вопросам казачьей истории. Определяются основные направления дальнейших исследований с краткими характеристиками поименованных сюжетов. *Вклад авторов.* Создание концепции статьи, разработка и описание методологии исследования, понятийного аппарата, анализ привлеченного контента принадлежит А.П. Скорик. Подбор архивных материалов и историографических фактов, а также их первичный анализ выполнен В.А. Бондаревым. Концептуальная правка, выявление ряда историографических тенденций и дополнение исходных материалов историографическими фактами выполнено Г.Г. Матишовым. Окончательное научное и литературное редактирование текста статьи осуществлено А.П. Скориком и В.А. Бондаревым.

Ключевые слова: архетипы, историографический факт, исторический опыт, казачество, методология, политизация, рассказывание, репрессальные циклы.

Цитирование. Скорик А. П., Бондарев В. А., Матишов Г. Г. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 219–236. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17>

Введение. В истории российского казачества советский период выступает одним из наиболее сложных и драматичных, антропогенных отрезков времени. Происходившие в этот период события дают все основания для утверждений, что в XX в. казахи сообщества оказались на грани исчезновения, ибо «поколения потомков казаков, рожденные и воспитанные в советские годы, не унаследовали образ жизни предшествующих поколений» [22, с. 366]. Трагизм советской эпохи закономерно повлиял на историографию, поскольку характерные для исторической науки в СССР политико-идеологические запреты препятствовали научному поиску. Многие вопросы казачьей истории XX в. были табуированы и находились вне зоны внимания исследователей, индивидуальная траектория познания казачьего феномена вызвала когнитивный диссонанс.

Только с конца 1980-х гг., когда в распадающемся СССР совпали стремительно развернувшиеся процессы казачьего возрождения и декоммунизации (в научной сфере выразившиеся в крушении теоретико-методологического диктата марксизма, снятии идеологических запретов и предоставлении ученым-историкам свободы научного творчества), исследователи занялись анализом вопросов советской истории казачества. Публикационная активность остается достаточно высокой и в наши дни, а наибольший интерес исследователей по-прежнему привлекают казачьи войска Юга России и Украины как сыгравшие наиболее значительную роль в истории Отечества [53, с. 76].

И все же, несмотря на достигнутые на протяжении последних тридцати лет существенные результаты в исследовании советского этапа казачьей истории, данная проблематика не может считаться исчерпанной. Советское прошлое казачества по-прежнему остается в определенной мере *terra incognita*. Целый ряд серьезных вопросов нуждается в дальнейшем изучении, поскольку освещен отнюдь не в должной мере. Как следствие, множество аспектов казачьей истории остаются дискуссионными и трактуются совершенно по-разному даже специалистами, не говоря уже о публицистах или широкой публике. Все это актуализирует задачу дальнейшего тщательного осмысления такого этапа истории ка-

зачества, как 1920–1980-е годы. Совершенно справедливо констатации участников круглого стола, состоявшегося 30 декабря 2020 г. на базе Института истории и международных отношений ЮФУ, «об актуальности дальнейших исследований исторического и культурного феномена казачества, растущем интересе к нему среди специалистов в России и других странах» [54, с. 312].

В современных условиях всестороннее и объективное изучение казачьей истории (в особенности, недавней, советской) приобретает не только теоретическую, но и выраженную практическую актуальность. Ныне казахи играют заметную роль в насущной повестке дня российского государства и общества. В этой ситуации важной задачей становится разработка оптимальной стратегии взаимодействия государства и казачества и позитивного вовлечения казачьих организаций в общественно-политическую жизнь страны. Одним из первостепенных условий реализации отмеченной задачи является обращение к богатому историческому опыту взаимоотношений российского государства и казачества. Во-первых, экскурс в прошлое позволяет выявить исторически апробированные, заслуживающие применения методики выстраивания диалога между властью и казачеством, когда толерантность становится моральным императивом. Во-вторых, знание о трудном прошлом предостерегает от повторения конфронтационных и репрессивных сценариев, которыми так богата советская история казачества. Известный российский историк В.О. Ключевский справедливо высказывался о том, что «люди так любят изучать свое прошлое, свою историю» по той же самой причине, по которой «человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [14, с. 33]. Задача историков состоит в выяснении причин кризисных явлений в жизни казачьих сообществ и предметном указывании на пути их предотвращения.

Не менее важно избежать политизации исторического прошлого казачества, особенно его трагических страниц. Такая конъюнктура прямо противоречит объективному осмыслению минувших событий. Политизация прошлого, часто сопровождающаяся пря-

мыми фальсификациями, когда, например, говорится о миллионах репрессированных казаков, способна усложнить отношения между казаками, российским государством и обществом, превратить казачьи организации в фактор дестабилизации социальной ситуации в стране. Нужно с осторожностью относиться в публицистике и ненаучной литературе к трактовкам советского этапа казачьей истории как времени перманентного насилия коммунистического режима над казачеством, времени целенаправленной ликвидации казачьих сообществ, о чем более 25 лет назад правомерно говорил ростовский историк П.Г. Чернопицкий [52, с. 277]. Репрессальный образ советской власти и проводимых ею мероприятий в отношении казачества, широко распространенный в представлениях самих казаков, провоцирует ненужные конфликты в современном обществе и может стать основой для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР за «геноцид казаков».

Так, в изданной в 2017 г. монографии Н.Н. Лысенко безапелляционно провозглашается тезис о необходимости созыва Международного трибунала по расследованию геноцида казаков, якобы осуществлявшегося в СССР [21, с. 17]. А поскольку автор книги прямо пишет о Российской Федерации как правопреемнице СССР [21, с. 100], «логика должна подсказать читателю, что в Новочеркасске Международный трибунал будет судить Российскую Федерацию» [5, с. 278]. Подобные политиканские заявления в духе борьбы за власть между Президентом России Б.Н. Ельциным и Верховным Советом РФ начала 1990-х гг. (именно тогда и появился нормативно-правовой тезис о «геноциде казаков») продолжают делить казаков на «красных» и «белых», нарушая мир и единение в обществе, когда требуется перевернуть (но никоим образом не забыть!) трагические страницы истории казачества и смотреть, прежде всего, в будущее.

В условиях новой холодной войны, стремительно разворачивающейся между Западом и Россией, безответственные заявления о «геноциде казаков» могут послужить призывом к вмешательству иностранных держав во внутренние дела Российской Федерации. При-

нятый в США в 1959 г. закон о порабощенных нациях, где говорится о «Казаккии» как национальном государстве («порабощенном» «русским коммунизмом»), сохраняет свою юридическую силу и поныне; он вполне может быть направлен против Российской Федерации как правопреемницы СССР [53, с. 75]. Причем идея Казаккии оказалась исторически устойчива и уже прошла определенные трансформации [42].

В общественно-политических реалиях современной России задача ученых-историков заключается в осуществлении дальнейших научных изысканий, способных сформировать эмпирическую базу для опровержения политизированных и мифологизированных измышлений о советском прошлом казачества (скажем, о запрете на службу в Красной армии). Подчеркнем, формировать новый комплекс исторических источников, не ретушируя трагические страницы истории казачества, но и не впадая в крайности критиканства и очернительства. Представителям же власти во избежание гражданских конфликтов следует оказывать всемерную поддержку научному сообществу историков-казаковедов.

Методы и материалы. Потребность в продолжении исследований советского этапа истории казачества, – как научно-теоретическая, так и прикладная, – на сегодняшний день достаточно велика. Результативность подобных исследований зависит от многих факторов и методов познания: тщательности историографического анализа, позволяющего определить наиболее перспективные направления научного поиска; доступности, обширности источниковой базы; разнообразия теоретико-методологического инструментария в изучении истории казачества советского периода. Однако методология исследования включает пять элементов: концептуальные основания, принципы познания, категориально-понятийный аппарат, методы исследования и методики обработки эмпирического материала. Как показывает наш историографический анализ, далеко не все казаковеды готовы учитывать такое структурное понимание методологии. Еще реже можно столкнуться с попытками разработки авторской частно-исторической теории в отношении изучаемого периода истории казачества.

Задача дальнейшего изучения советского этапа казачьей истории, подчеркнем, настоятельно требует существенного расширения концептуальных подходов. Но вопреки модным ныне веяниям, нет оснований отказываться от традиционных подходов, – прежде всего, формационного, – позволяющих эффективно анализировать социально-экономическую динамику казачьих сообществ советской эпохи, что вытекает из историографического анализа научной литературы последних десятилетий. Наряду с этим, весьма актуальны сравнительно новые методологические подходы, такие как историческая антропология, микроистория, локальная история (в том числе ее южно-российский инвариант «новая локальная история»), история повседневности. В особенности вышеперечисленные подходы актуальны применительно к послевоенной истории казачества, поскольку со второй половины 1940-х – 1950-х гг. казаки «исчезают» из «большой истории», но сохраняют свой образ жизни и ментальность, и празднуют, например, с казачьим размахом в 1976 г. столетие донской станицы Милютинской [44, с. 1109–1110]. История повседневности, акцентирующая внимание на жизни «простых людей, но не как “массы” или класса, а на уровне индивидов и семей» [19, с. 13], дает возможность выявить и проанализировать особенности положения казаков, которые в результате коллективизации исчезли как социальная группа, но сохранились в качестве этнографической общности, что дало им шанс сегодня вернуться в «большую историю» в качестве субэтнической группы русского народа. Методологический инструментарий истории повседневности предоставляет возможности установить доминанты и динамику настроений и менталитета казачества во второй половине XX в., а это, в свою очередь, позволяет с большим пониманием судить о последовавшем со второй половины 1980-х гг. процессе казачьего возрождения.

Анализ. Одним из чрезвычайно важных условий дальнейшего углубленного изучения советского этапа истории казачества служит историографический анализ. Отсюда цель нашей статьи заключается в теоретико-методологической интерпретации современной историографической ситуации, ограничившись тре-

мя наиболее крупными и известными казачьими войсками, исторически сложившимися на Юге России – Донским, Кубанским, Терским. В результате проведенного анализа мы рассчитываем определить узловые проблемы и нуждающиеся в дальнейшем изучении аспекты казачьей истории XX в. (советской эпохи), обозначить перспективы и направления дальнейших исследований.

Первым шагом в деле историографического анализа должна стать разработка определения такого социального явления, как «советское казачество». Очевидно, что на протяжении столетий социальная сущность казачьих сообществ существенно видоизменялась. В первую очередь это прослеживается на примере донского казачества как обладающего наиболее древней историей, в сравнении с другими казачьими войсками России. На ранних этапах своей истории, когда донские казаки были независимы от Московского (Российского) государства, они представляли собой самоуправлявшееся сообщество вольных людей (квазигосударство), основными занятиями которых являлись война и охрана южных границ России. С XVIII в. донские казаки, равно как и другие казачьи сообщества, либо существовавшие ранее (гребенские, терские, яицкие казаки), либо созданные по распоряжению российских монархов (в частности, линейцы и черноморцы, объединенные в Кубанское казачье войско), превращаются в военно-служилое сословие Российской империи, важнейшей обязанностью которого закреплялась военная служба в обмен на ряд сословных привилегий, в первую очередь – льготное пользование землей. В сословных границах те или иные казачьи войска (Азовское, Донское, Кубанское, Терское и др.) отличались специфическими диалектами и особенностями культуры и быта, иногда «мятежниками» и др. В таком статусе казаки пребывали вплоть до 1917 года.

В советский период социальный статус казачества изменился в связи с проведенной большевиками десословизацией. По нашему мнению, с 1930-х гг. казаки выступали в качестве этнокультурной общности в составе колхозного крестьянства, отличавшейся особенностями языка, материальной и духовной культуры. Кампания «за советское казачество»,

развернутая в середине 1930-х гг. и сопровождавшаяся деятельностью клубов «ворошиловских кавалеристов» и формированием казачьих кавалерийских дивизий, ничего здесь не изменила, поскольку не восстановила военно-служилый сословный статус казаков.

Следующий шаг – разработка сквозной периодизации советского этапа казачьей истории. Эту задачу необходимо выполнить не только в силу отсутствия соответствующей периодизации в специальных работах, хотя сам факт деления советской истории казачества на качественно различные временные отрезки прекрасно известен исследователям. Периодизация нужна для удобства осмысления существующего массива научной литературы, поскольку в хронологическом плане те или иные научные работы охватывают отдельные этапы исторического пути казаков в советскую эпоху – период нэпа, 1930-е гг., Великая Отечественная война, и т. д. Историко-географический анализ, в том числе наш, авторский, по выделенным этапам позволит исследователям лучше увидеть и оценить достижения и недочеты в изучении отдельных исторических сюжетов.

Первоочередным критерием такой периодизации выступает политика коммунистического руководства в отношении казачества, поскольку в советский период казаки превратились в объект государственной деятельности большевиков, в перспективный социально-политический проект «советское казачество». Немаловажны и такие критерии, как характер взаимоотношений между советским государством и казачеством (что являлось производным от политики компартии) и положение казаков в советском обществе. Следует учесть и степень выраженности культурных традиций казачества, цементирующих их сообщества и выделявших казаков в общей массе граждан СССР.

Если не принимать во внимание период революционных потрясений и Гражданской войны, то первым этапом советской истории казачества стали времена нэпа (1921–1929 гг.). Данный этап логично подразделяется на два субэтапа – первую и вторую половину указанного десятилетия, рубежом между которыми стала развернутая лидерами компартии в середине 1920-х гг. политика

«лицом к деревне», в казачьих районах трансформировавшаяся в политическую кампанию «лицом к казачеству». Если в первой половине 1920-х гг. взаимоотношения партийно-советских структур и большинства казаков оставались настороженно-недоверчивыми, то после проказаких инициатив большевиков в середине десятилетия эти отношения заметно улучшились, а сами казаки активно «пошли во власть». Показательно, что до 1925 г. казаки апатично относились к выборам в местные советы, ибо полагали: «Это не их дело, их победила иногородняя коммунистическая Советская власть» [48, л. 3]. В рамках же реализации проказаких инициатив большевиков казаки начали активно участвовать в формировании местных советов, не исключая и казаков старшего возраста, ранее отчужденно взиравших на советскую действительность. Казаки увидели в местных советах реальные рычаги власти, и рост электоральной активности казаков повлек за собой увеличение их представительства в органах местного самоуправления. В частности, как утверждал секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов, в его северо-кубанском районе «все активное казачество... попало целиком в советы», так что удельный вес казаков в этих органах власти вырос до 60–70 % [9, с. 18–19]. Если в 1924 г. в сельских и станичных советах Донской области удельный вес казаков достигал 27,75–29,7 % (крестьян же насчитывалось 63–70,3 %), то в 1925 г. представительство казаков возросло до 32,1–37,6 % при одновременном снижении численности крестьян до 62,4 % [31, л. 61а]. Свободные выборы в местные советы 1925 г. проявили политический потенциал казачества на Юге России и породили среди казаков общественные настроения о «скорой кончине советской власти», о долгожданном приходе к власти «наших», о восстановлении прежней «кадетской власти». Поэтому к концу 1926 г. политика большевиков «лицом к казачеству» практически оказалась свернута, но о контрреволюционности казачества, кулацком саботаже в казачьих регионах широкомасштабно заговорили лишь в 1932 году.

Второй этап советской истории казачества – 1930-е годы. Историческая динамика в нем тоже делится на два субэтапа, разгра-

ниченных серединой десятилетия. Провозглашенный И.В. Сталиным на рубеже 1920–1930-х гг. «великий перелом» стал тяжелым ударом для многих казаков, подвергнутых раскулачиванию или бездоказательно репрессированных, когда только сама принадлежность к казачеству для преследуемых лиц являлась отягощающим обстоятельством. В условиях предельного ужесточения внутриполитического курса в первой половине 1930-х гг. среди низовых партийно-советских работников вновь распространилось огульно-негативное отношение к казакам, характерное для времен Гражданской войны и начальных лет нэпа. Подчеркнем, что высокопоставленные партийные функционеры (Е.Г. Евдокимов, Б.П. Шеболдаев и др.) пытались с этим бороться (хотя их порой однозначно причисляют к «врагам казачества»), часто напоминая своим подчиненным о необходимости соблюдения классовых принципов в отношении казачества. Тем не менее в середине 1930-х гг. стартовала одобренная И.В. Сталиным политическая кампания «за советское казачество», в ходе которой казаков провозгласили полноправными членами советского общества, преданными идеям строительства социализма, и они получили возможность хранить и пропагандировать свою самобытную культуру, хотя и в рамках колхозной системы, появились характерные неологизмы «советское колхозное казачество» и «казаки-колхозники».

Следующим этапом истории казачества в XX в. выступают годы Великой Отечественной войны. В это суровое время некоторая часть представителей казачьих сообществ предпочли поддержать гитлеровцев (по разным данным, от 70 тыс. [12, с. 523] до 94,5 тыс. [2]). Но подавляющее большинство казаков остались верны заветам предков и, выступив на защиту Родины, внесли свой вклад в разгром нацистской Германии. Общеизвестным является факт формирования на Дону, Кубани, Тереке и Ставрополье до конца 1941 г. около 30 новых кавалерийских дивизий. В первые же дни войны в жестокую схватку с врагом вступили донские казаки 210-й моторизованной дивизии, сформированной в марте 1941 г. на базе 4-й Донской казачьей кавалерийской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Красной Звезды дивизии имени К.Е. Во-

рошилова. Героически сражались с превосходящими силами противника части и подразделения 4-го и 5-го кавалерийских корпусов, прошедших славный боевой путь, в которых было очень много потомственных казаков [50, с. 428].

Вторая половина 1940-х – 1950-е гг. представляют собой новый этап советской истории казачества. В данное время правящие круги СССР постепенно отказались от политического курса «за советское казачество» и выделения казаков из общей массы населения колхозной деревни. Вместе с тем в рамках указанного этапа казачьи сообщества все еще отличались заметными культурно-бытовыми особенностями. Активно раскручивалась тема счастливой жизни казаков в условиях советской действительности, в связи с торжествами по поводу открытия Волго-Донского канала в 1952 году [39, с. 65–67]. В активном жизненном тоне тогда находились старшие поколения казаков, на памяти которых происходило становление советской власти, и в станицах хорошо помнили, кто и на какой стороне воевал в Гражданскую и Великую Отечественную войны, чем отличился в трудные времена. Свежо оставалось в памяти и расформирование гвардейских казачьих корпусов после победного мая 1945 г., которому не мешало бы посвятить сегодня отдельную монографию. Нуждается в освещении сохранение кавалерии во второй половине XX в., включая примечательную историю 11-го отдельного кавалерийского полка и службы в нем казаков.

Наконец, 1960–1980-е гг. – это этап интенсивного растворения казачьих сообществ в массе населения Советского Союза, обусловленного высокой социальной мобильностью населения, продолжающейся урбанизацией, существенным сближением материально-бытовых условий горожан и селян. Однако процесс ассимиляции казаков так и не был завершен, поскольку в станицах все еще сохранялась преемственность поколений (и, тем самым, оставалось осознание казаками своей особенности), а фольклорные коллективы, краеведы и деятели культуры пропагандировали культуру и историю казачества. В станицах Дона, Кубани и Терека народная память сохранила образы и душу казачьей культуры,

так что казаки никуда не делись. Во второй же половине 1980-х гг. стартовал процесс казачьего возрождения, и казаки вернулись на сцену истории, прежде всего, в лице послевоенных поколений [37, с. 128–147].

К настоящему времени издано существенное количество разнообразных исследований о положении и жизнедеятельности донских, кубанских, терских казаков в советский период их исторического пути. Проблематика развития казачьих сообществ в годы нэпа относится к числу наиболее освещенных в научной литературе. Еще в советской историографии подобные вопросы находили свое отражение в трудах ученых-историков. В постсоветский период внимание специалистов к обозначенной проблематике возросло, свидетельством чего является значительное количество научных работ и публицистики.

Приоритетным направлением в постсоветской историографии казачества периода нэпа являлось исследование общественно-политических и социальных процессов в станицах Дона, Кубани и Терека, в особенности – взаимоотношений казаков и большевиков, а также политики последних в отношении казачьих сообществ. Этому посвящены работы А.В. Аверьянова [1], А.В. Баранова [3], С.А. Кислицына [13], Т.В. Панковой-Козочкиной [26], Я.А. Перехова [29], А.П. Скорика [46], других авторов [10; 28]. Уделялось внимание специфике военной службы казаков в Красной армии [40]. Экономические процессы в станицах и особенности хозяйствования казаков в период нэпа в меньшей мере, но все же основательно, осмысливались в научной литературе [4; 15; 55].

Историографический анализ позволяет отнести к числу недостаточно освещенных вопросов следующие: степень сохранения в сознании казачества идей об автономном статусе их территорий в составе государства (степень устойчивости казачьего автономизма); специфика прохождения казаками службы в РККА в 1920-х гг., характер и особенности налагаемых на них ограничений в области военной службы; практика допризывной военной подготовки в станицах, сочетание в данной сфере досоветских традиций и советских новаций; трансформации материально-бытового уклада, культуры и менталитета казачества под влиянием советских иннова-

ций. Нуждается в дальнейшем освещении и социально-экономическое развитие казачьих станиц в период нэпа. Необходим анализ взаимоотношений казаков и иногородних, значительную часть которых на Юге России составляли выходцы с территорий малороссийских губерний Российской империи. Хорошо известно, что после Гражданской войны казаки и крестьяне поменялись местами: иногородние нередко третировали казаков, вымещая на них свои обиды за прошлое сословное неравенство и притеснения. Как фиксируют архивные источники, «вся обстановка станицы напоминает прежнюю “вольную казачью жизнь” и подчеркивает победу “мужика”, чумазо-иногороднего» [38, с. 115]. Но, по признанию сотрудников Кубанского оперсектора ОГПУ, целый Каневской район в 1924 г. считался антисоветским, равно как и некоторые другие районы Кубани.

Сегодня ощущается потребность в продолжении работы по выявлению конфликтных факторов в станицах, динамики взаимоотношений казаков и иногородних. Как показывают последние исследования, кампания «лицом к казачеству» подтолкнула казаков к ответному наступлению на иногородних, когда, например, казаки донской станицы Кочетовской в 1926 г. потребовали с местных иногородних арендную плату за землю начиная с 1919 года. Также надо разобраться в результативности классовой политики большевиков, нацеленной на расслоение казачьих сообществ и установление дружественных социальных отношений между бедняцко-средняцкими слоями казачества и крестьянства.

В отличие от периода нэпа, жизнедеятельность и положение южно-российского казачества в 1930-х гг. в советской историографии практически не рассматривались, особенно если говорить о сложных и неоднозначных временах коллективизации и раскулачивания. Ситуация изменилась в постсоветский период, причем исследователи акцентировали внимание на ранее табуированных проблемах, таких как репрессивно-карательные меры сталинского режима в отношении казаков и сопротивление последних государственному насилию в период «колхозного строительства». В частности, Е.Н. Осколков впервые проанализировал трагедию «чернодосочных» станиц

Дона и Кубани [25], а А.И. Козлов на основе архивных материалов ФСБ подробно описал процесс формирования и ликвидации тайной антибольшевистской казачьей организации А.С. Сенина – прототипа есаула Половцева из шолоховской «Поднятой целины» [16, с. 350–428]. Проводившиеся в 1930-х гг. репрессивные акции в отношении казачества освещались в монографии Г.Г. Матишова [23, с. 135–156]. В работах А.П. Скорика впервые в новейшей российской историографии представлена развернутая картина положения донских, кубанских, терских казаков в 1930-х гг., их взаимоотношений с коммунистическим режимом, жизнедеятельности и многообразных трансформаций сознания, культуры и быта в условиях колхозной системы [43; 45]. Противоречивое взаимодействие компартии и донского казачества в 1930-х гг. стало предметом исследования О.В. Рвачевой [32]. Обусловленные социалистической модернизацией изменения в быту, культуре, сознании казачества анализируются Т.С. Рудиченко и М.А. Рыбловой [34].

Хотя в научном осмыслении этапа казачьей истории 1930-х гг. уже достигнуты существенные результаты, историографический анализ свидетельствует о необходимости дальнейших изысканий. Недостаточно изучен ряд важных вопросов, среди которых – специфика, масштабы и удельный вес казачьих протестных акций во время коллективизации и раскулачивания (в частности, надо выяснить, насколько верна информация о так называемом антисоветском Тихорецком восстании кубанских казаков в 1932 г., распространенная в эмигрантской прессе, а ныне тиражируемая в Интернете); мотивы и начальные этапы кампании «за советское казачество»; особенности военной службы донских, кубанских, терских казаков в 1930-х гг. (здесь наименее изучен вопрос об административно-правовых ограничениях по службе, которые, по свидетельствам современников, были установлены большевиками и существовали в отношении казаков в 1920-х – первой половине 1930-х гг.). Нуждаются в приращении наши знания о хозяйственной деятельности казаков в условиях становления и укрепления колхозной системы, о методиках адаптации казачьих сообществ к этой системе. Требуется и далее ис-

следовать менталитет, культуру и повседневную жизнь казаков в условиях социалистической модернизации 1930-х годов.

В постсоветский период историографии всестороннее освещение получила тематика участия казаков в Великой Отечественной войне, основательно изучены вопросы участия казаков в боевых действиях в составе кавалерийских частей Красной армии [7; 8; 18]. Но трагическая судьба в начале войны постигла 6-й казачий кавалерийский корпус имени И.В. Сталина, а его полномасштабная история пока еще не исследована в должной мере. И здесь, отталкиваясь от обобщающих работ [20], надо идти глубже в осмыслении отдельных сюжетов. В постсоветский период стало возможным тщательно изучить проблему казачьего коллаборационизма, которой посвящен ряд исследований [11; 12; 17]. Тем самым, аргументированно можно говорить о наиболее полном освещении проблематики участия казачества в Великой Отечественной войне в научной литературе по сравнению с другими этапами советской истории казачества.

Напротив, исследователи практически не обращались к послевоенным десятилетиям истории казачьих сообществ Дона, Кубани, Терека, поскольку ошибочно полагали, что с 1950-х гг. казачество растворилось в массе колхозного крестьянства и исчезло как субэтническая (этнокультурная) группа и что в источниках послевоенного времени уже нельзя отыскать сколь-нибудь подробной информации о казаках. Лишь на протяжении ряда последних лет исследователи приступили к разработке указанной темы. В публикациях А.П. Скорика [39], М.А. Рыбловой [35; 36], В.А. Бондарева и Р.Г. Тикиджьяна [49], а также в монографии Г.Г. Матишова, О.С. Савельевой, Е.Ю. Слюниной [24] рассматриваются многообразные трансформации культуры, быта и сознания казаков на протяжении послевоенных десятилетий. Перечисленные новаторские работы продемонстрировали, что источники отнюдь не молчат о послевоенном казачестве и что задача научной реконструкции такого этапа истории казачества Юга России, как вторая половина 1940-х – 1980-е гг., вполне решаема, но ей нужно уделить дополнительное внимание. Многие еще предстоит сделать для выяснения глубины трансформаций религиозных

верований казаков в течение XX в., хотя здесь уже появились интересные наработки [30; 33].

В целом анализ историографии позволяет говорить о наличии ряда узловых вопросов советского этапа казачьей истории, неполно или фрагментарно освещенных в научной литературе:

- динамика взаимоотношений казаков и коммунистического режима, в том числе проблема рассказывания и показывания;

- социально-экономические процессы в казачьих станицах в советскую эпоху, специфика казачьего хозяйствования в до- и колхозный периоды;

- взаимоотношения казаков с неказачьим, многонациональным населением (в первую очередь с самой внушительной по численности и оказываемому влиянию группой малороссов) в условиях советской действительности;

- особенности военной службы казаков в Красной (Советской) армии;

- трансформация культуры и быта в казачьих станицах под влиянием советской модернизации и глобальных общецивилизационных сдвигов;

- проблема преемственности поколений в станицах, вопросы сохранения архетипов казачьей культуры и ментальности в течение советского периода;

- повседневная жизнь и многогранная деятельность казаков в послевоенном СССР второй половины 1940–1980-х годов.

Результаты. После обозначения наименее освещенных вопросов, аспектов и областей казачьей истории в советский период полагаем архиважным определить наиболее перспективные и актуальные направления научных изысканий.

Первое направление – выявление социальной сущности казачества с ключевыми проблемами соотношения свободы и порядка, консолидации и этничности. В настоящее время данный вопрос сильно мифологизирован, особенно некоторыми представителями казачества, уверенно проводящими этническую границу казаков с русским народом. Необходимо разрабатывать и отстаивать концепт, уже обозначенный в научной литературе, согласно которому казачество выступает как субэтническая группа русского народа [47,

с. 10–62], или часть русского народа, отличающаяся определенной культурной спецификой.

Второе направление – детальный анализ болезненной проблемы и трагической страницы в истории, очерчиваемой понятием «расказачивание». Историографический обзор свидетельствует о сохранении значительной поляризации оценок положения казачества в условиях советской действительности в изданиях советской эпохи, да и в публикациях постсоветского периода. Если советские ученые констатировали осуществление советской властью позитивных изменений в казачьих станицах, то с конца 1980-х гг. возобладала уже прямо противоположная тенденция.

Исторические реалии подтверждают процесс сложных взаимоотношений советского государства и казачества, но противоречат заявлениям о «геноциде». Такие заявления распространяют кратковременную (хотя, вне всякого сомнения, жестокую) практику репрессивного «расказачивания», осуществлявшегося красными на Дону (остальные казачьи регионы в основном занимали белые), в соответствии с циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. (почему-то упорно называемым «директивой»), на весь советский период. Или, скажем, депортацию терских казаков обозначают в течение трех лет, 1918–1921 гг., но фактически она проводилась летом – осенью 1918 г., и была сорвана восстанием терцев. Депортация повторилась в 1920 г.: опять выселения и восстания. Масса исторических нюансов и личных трагедий терских казаков, но к результатам расказачивания отнесли даже три станицы, население которых самостоятельно покинуло свои жилища. Тем самым, акцент делается на расказачивании, и при этом умалчивается об известных фактах масштабных проказачьих кампаний, которые проводились по распоряжению руководства компартии в середине 1920-х гг. и второй половине 1930-х годов. А терские казаки станицы Горячеводской в знак благодарности приняли И.В. Сталина в августе 1925 г., когда о культе личности речи еще не шло, в почетные казаки [41, с. 114]. И здесь надо отметить, что воплощению «теории геноцида» (поголовного расказачивания) противоречат в том числе данные оккупационной германской администрации. Так, в

1942 г. оккупанты провели перепись населения Тарасовского района Ростовской области и выяснили, что из 40 тыс. жителей свыше 24,2 тыс. являются казаками. Безусловно, фашистские идеологи в противовес широко известной политике расказачивания пытались противопоставить идею казачьего сопротивления большевистскому режиму и использовать протестный потенциал казачества, но казаки отчетливо понимали: одно дело выказывать недовольство властью, а совершенно другое – перейти в стан врага [43, с. 275].

Принципиально важно противостоять гиперболизированным представлениям о масштабах репрессивного расказачивания. Не менее важно внимательно изучать периоды потепления отношений между властью и казачеством, парадигму показачивания иногородней части населения казачьих регионов в советский период. В период 1920–1930-х гг. можно аргументированно фиксировать циклы репрессивной активности советского государства в отношении казачества [46, с. 109], которая, однако, не являлась геноцидом и не нацеливалась против всех казаков вообще, а лишь против «классово-чуждой» большевикам казачьей верхушки и «контрреволюционеров»; собственно, подобная же политическая практика существовала и в отношении всего российского крестьянства. Но репрессивная активность чередовалась с периодами мирного сосуществования казаков и большевиков, когда последние инициировали проказачьи политические акции. В особенности, необходимо дальнейшее изучение кампании «за советское казачество» второй половины 1930-х гг., чтобы подробнее установить причины, социальный инструментарий и результаты проказачьих мероприятий, равно как и отношение самих казаков к этим мероприятиям.

Третье направление – исследование военной службы казаков в раннесоветский период. Здесь необходимо концентрировать усилия на специфике прохождения казаками службы в РККА, характере и особенностях налагаемых на них административных ограничений в области военной службы (до середины 1930-х гг.), практике допризывной подготовки в станицах. Следует обратить внимание на стремление казаков к службе в кавалерийских частях. Важно проследить личностные

судьбы командиров РККА из числа казаков, которые становились кумирами казачьей молодежи в 1920–1930-х гг., как, например, генерал-лейтенант Тимофей Тимофеевич Шапкин, родом из донских казаков станицы Верхнекундрюченской. Из сибирских казаков происходил генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Полковник Сергей Ильич Горшков родился в верхнедонском хуторе Ольшанка станицы Урюпинской. Из казаков, защищавших свою Родину в советский период истории, вполне может быть сформирована когорта героев, которыми следует гордиться и в наши дни.

Четвертое направление – углубленный анализ социально-экономических процессов в казачьих станицах и хозяйственной деятельности казаков в советскую эпоху, в условиях господства колхозной системы. Специалисты правомерно констатируют «общее падение интереса к экономической истории» казачества в постсоветской историографии [53, с. 88]. Между тем исследование казачьего хозяйства в условиях советских трансформаций выходит за пределы экономической истории, ведь устойчивость хозяйственных практик казачества означала сохранение традиционного уклада жизни, а это, в свою очередь, способствовало прочности ментальности казачества и преемственности поколений. Обозначенный концепт доказывает в своей докторской диссертации Т.В. Панкова-Козочкина [27, с. 143–300], но таких исследований пока не достаточно.

Пятое направление – выявление преемственности поколений в казачьих станицах. Важно понять, как и в какой мере сохранялось у молодых казаков, выросших в условиях советской действительности, осознание принадлежности к казачьим сообществам? Каковы были взаимоотношения между казаками и неказаками при советской власти, в какой мере заявлял о себе казачий автономизм? Вопреки осуществленной большевиками десловизации, казачество сбереглось как этнокультурная общность, и в послевоенные десятилетия, несмотря на смену поколений в казачьих районах Юга России, казачья молодежь помнила о своем происхождении и прежнем особом статусе казачества, знала свою родословную до 4–5 колена, так что зачастую в разговоре прорывалось деление: «Этот –

наш, а этот – русский» [6, с. 132]. О сохранении особенного, станичного духа в начале 1950-х гг. писал в своем романе «Память земли» русский советский писатель В.Д. Фоменко, в сюжете об управленцах-выдвиженцах из числа казаков [51, с. 21]. Архетипы казачьей этнокультуры в конце 1980-х – начале 1990-х гг. собственно и стали основой казачьего возрождения, когда родовые казаки включились в процесс казачьей самоорганизации и выборов атаманов [37, с. 11, 14–15]. Поэтому надо внимательно изучать факторы и особенности преемственности поколений в станицах, социальной экспликации, эмоциональной выразительности, культуристорических конструкторов казачества.

Шестое направление – гендерные исследования советского этапа казачьей истории, выявление динамики статуса полов в станицах. И хотя такие вопросы освещались в упомянутых работах Т.С. Рудиченко и М.А. Рыбловой, тематика казачьего гендера на Дону, Кубани и Тереке по-прежнему остается актуальной.

Итак, несмотря на достигнутые с конца 1980-х гг. заметные результаты в научном осмыслении советского этапа истории казачества, дальнейшие исследования остаются актуальными. И нас не могут не радовать возрождающиеся историографические традиции, например, возобновление издания «Терского сборника» (в 2021 г. вышел 6-й выпуск), хотя его приверженцы во главе с атаманом Минераловодского городского казачьего общества О.В. Губенко только подступают к советскому периоду в истории казачества. К настоящему времени важность изучения советского этапа истории казачества еще более возросла в связи с сохраняющейся мифологизацией и политизацией казачьего трудного прошлого. Поэтому нельзя не согласиться с известным историком-казаковедом А.В. Венковым, который подчеркивает: «Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления» [5, с. 289]. Всестороннее, тщательное и объективное освещение советского этапа казачьей истории позволит повысить результативность

борьбы с мифологизацией истории казачества и пресечь попытки превратить казаков в расходный материал для всяких манипуляторов, маргиналов и нечистоплотных дельцов от политики. Казачьей молодежи нужно помочь осмыслить трудное прошлое и, опираясь на архетипы казачьей этнокультуры, смело смотреть в будущее.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 21-09-43097 «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР). Донские казаки в СССР» (Г.Г. Матишов) и в рамках программы исследований НИИ ИКиРКР ЮРГПУ(НПИ) имени М.И. Платова на 2020–2025 годы (А.П. Скорик).

The publication was prepared within the framework of the RFBR grant no. 21-09-43097 “Soviet era: history and heritage (to the 100th anniversary of the formation of the USSR). Don Cossacks in the USSR” (G.G. Matishov) and as part of the research program of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of the Cossack Regions of the South Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnic Institute) named after M.I. Platov for 2020–2025 (A.P. Skorik).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. В. Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. / А. В. Аверьянов. – Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2020. – 308 с.
2. Андреев, В. Восточные добровольцы / В. Андреев // Новая газета. – 1994 (6 дек.).
3. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – СПб. : Нестор, 1996. – 354 с.
4. Бондарев, В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / В. А. Бондарев, Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2012. – 265 с.
5. Венков, А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» / А. В. Венков // Новое прошлое. – 2018. – № 1. – С. 275–290. – DOI: 10.23683/2500-3224-2018-1-275-290
6. Венков, А. В. Потомственные казаки и современное казачье движение на Юге России / А. В. Венков // Юг России: проблемы, прогнозы,

решения. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 128–142.

7. Воскобойников, Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г. Л. Воскобойников. – М. : Изд-во Российской киноvideокомпании, 1993. – 311 с.

8. Воскобойников, Г. Л. Советская конница в Великой Отечественной / Г. Л. Воскобойников. – М. : Вече, 2008. – 313 с.

9. Горюнов, П. М. О казачьем вопросе : (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа) / П. М. Горюнов. – Новочеркасск : ДОДН, 1925. – 32 с.

10. Демидова, А. Н. Рассказывание в Хоперском округе в 1918–1931 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Демидова Анна Николаевна. – Волгоград, 2002. – 148 с.

11. Дробязко, С. И. Восточные легионы и казачьи части в вермахте / С. И. Дробязко, А. Карашук. – М. : АСТ, 2000. – 55 с.

12. Дробязко, С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. / С. И. Дробязко. – М. : Эксмо, 2004. – 608 с.

13. Кислицын, С. А. Казаки и нэп / С. А. Кислицын // История донского казачества : коллектив. моногр. : в 3 т. Т. III. Донское казачество на переломе эпох (XX – начало XXI в.). – Ростов н/Д : Омега Паблицер, 2020. – С. 153–158.

14. Ключевский, В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1993. – 415 с.

15. Кожанов, А. П. Донское казачество в 20-х годах XX века / А. П. Кожанов. – Ростов н/Д : Донской издательский дом, 2005. – 292 с.

16. Козлов, А. И. М.А. Шолохов : Времена и Творчество. По архивам ФСБ / А. И. Козлов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 480 с.

17. Крикунов, П. Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным / П. Н. Крикунов. – М. : Яуза : Эксмо, 2005. – 608 с.

18. Кринко, Е. Ф. Создание кавалерийских соединений Красной армии на юге России и их судьба в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко // Русская старина. – 2014. – № 1. – С. 26–39.

19. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования / М. М. Кром // История повседневности : сб. науч. работ. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетей, 2003. – С. 7–14.

20. Курков, Г. М. Кубанские и донские казачьи кавалерийские формирования в 1936–1945 гг. : историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук / Курков Геннадий Михайлович. – М., 2006. – 257 с.

21. Лысенко, Н. Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитичес-

кого исследования / Н. Н. Лысенко. – Ростов н/Д : Альтаир, 2017. – 633 с.

22. Масалов, А. Г. Движение за возрождение казачества: предпосылки и факторы возникновения, развития и институционализации / А. Г. Масалов // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – С. 365–381.

23. Матишов, Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории / Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 272 с.

24. Матишов, Г. Г. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону / Г. Г. Матишов, О. С. Савельева, Е. Ю. Слюнина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 216 с.

25. Осколков, Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты / Е. Н. Осколков // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 1–2. – С. 3–23.

26. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэп: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2014. – 308 с.

27. Панкова-Козочкина, Т. В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность : дис. ... д-ра ист. наук / Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна. – Волгоград, 2016. – 617 с.

28. Пантелеев, Е. В. Верхнедонские округа: проблемы социально-политического и экономического развития (1918–1927 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Пантелеев Евгений Васильевич. – Волгоград, 2005. – 24 с.

29. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1997. – 178 с.

30. Пискунов, Н. В. Донецко-Донская и Кавказская епархия Древлеправославной церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию, в документах архивов Российской Федерации / Н. В. Пискунов, О. Ю. Редькина // Русский архив. – 2016. – № 2 (12). – С. 169–187.

31. План работы организационно-распределительного отдела ВКП(б). Т. I (1927 г.) // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 141. – 213 л.

32. Рвачева, О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. / О. В. Рвачева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управления – фил. РАНХиГС, 2017. – 232 с.

33. Ревин, И. А. Православный храм в исторической событийности донской станицы Каменской

/ И. А. Ревин, А. П. Скорик // История в подробностях. – 2011. – № 6 (12) (июнь). – С. 76–81.

34. Рудиченко, Т. С. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – С. 516–536.

35. Рыблова, М. А. Актуальные проблемы исследования традиционной культуры донских казаков в условиях социалистической модернизации: постановка проблемы / М. А. Рыблова // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития южных регионов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 287–289.

36. Рыблова, М. А. Традиционная культура донских казаков в период социалистической модернизации / М. А. Рыблова // Стрежень : науч. ежегод. Вып. 11 / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Издатель, 2013. – С. 165–177.

37. Скорик, А. П. Атаманы и казаки Константиновского юрта в постсоветской России / А. П. Скорик. – М. : Древлехранилище, 2019. – 224 с.

38. Скорик, А. П. Верхне-донские округа и казачье землепользование по архивным документальным источникам в середине 1920-х гг. / А. П. Скорик // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : материалы одиннадцатой Междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. / под ред. С. Н. Лукаша, А. А. Цыбульниковой. – Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2018. – С. 111–115.

39. Скорик, А. П. Донское казачество в начале 1950-х гг. / А. П. Скорик // Вопросы истории. – 2013. – № 1. – С. 64–72.

40. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

41. Скорик, А. П. Казак станицы Горячеводской: механизмы сталинской мифологии / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Родина. – 2010. – № 3. – С. 113–115.

42. Скорик, А. П. Казакия: постулаты, власть, практика / А. П. Скорик // История государства и права. – 2015. – № 6. – С. 58–64.

43. Скорик, А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с.

44. Скорик, А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции / А. П. Скорик. – Новочеркасск : Лик, 2015. – 1184 с.

45. Скорик, А. П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы : Очерки истории / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

46. Скорик, А. П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы / А. П. Скорик // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Между-

народные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 102–115. – DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.9

47. Скорик, А. П. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полюемический дискурс / А. П. Скорик, А. А. Озеров. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 232 с.

48. Тезисы о работе прокурорского надзора в деревне (1925 г.) // ЦДНИРО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 33. – 188 л.

49. Тикиджьян, Р. Г. Этапы и тенденции социокультурной трансформации донского казачества (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) / Р. Г. Тикиджьян, В. А. Бондарев // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 3. – С. 68–74. – DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74

50. Трут, В. П. Об участии донского казачества в Великой Отечественной войне в 1941 году / В. П. Трут, А. И. Нарезный // Былые годы. – 2015. – № 36 (2). – С. 421–429.

51. Фоменко, В. Д. Память земли : Роман / В. Д. Фоменко. – М. : Худож. лит., 1966. – 311 с.

52. Чернопицкий, П. Г. Об одном историческом мифе / П. Г. Чернопицкий // Кубанское казачество: три века исторического пути : материалы Междунар. науч.-практ. конф., станица Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. / науч. ред.: В.Н. Ратушняк, В.Е. Щетнев. – Краснодар : [б. и.], 1996. – С. 277–281.

53. Юрченко, И. Ю. Изучение казачества в новейшей отечественной историографии 1981–2012 гг. (библиометрия и статистический анализ) : Историография казачества. Книга вторая / И. Ю. Юрченко. – М. : МГУП, 2013. – 474 с.

54. Юрченко, И. Ю. Казачество в истории и историографии: новые сюжеты, подходы и методы изучения казаков на круглом столе в ЮФУ / И. Ю. Юрченко, Р. Арнольд // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 308–313.

55. Яхугль, Ю. А. Нэп и крестьянско-казачье хозяйство Советской России (на материалах Дона и Кубани) / Ю. А. Яхугль. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2020. – 234 с.

REFERENCES

1. Averyanov A.V. *Nacionalnaya politika na Donu, Kubani i Stavropolye v 1920–1930-e gg.* [National Politics in the Don, Kuban and Stavropol Regions in the 1920s–1930s]. Rostov-on-Don, Taganrog, Izd-vo YuFU, 2020. 308 p.
2. Andreev V. *Vostochnye dobrovolcy* [Eastern Volunteers]. *Novaja gazeta* [New Newspaper], 1994 (Dec. 6).
3. Baranov A.V. *Socialnoe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyah novoj*

ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.) [Social and Political Development of the North Caucasus in the Context of the New Economic Policy (1921–1929)]. Saint Petersburg, Nestor Publ., 1996. 354 p.

4. Bondarev V.A., Pankova-Kozochkina T.V. *Kazachye-krestyanskoe hozyajstvo epohi nepa: problemy modernizacii agrarnyh odnoshenij na Yuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Era: Problems of Modernization of Agrarian Relations in the South of Russia]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012. 265 p.

5. Venkov A.V. Genocid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazackogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the “Cossack People”]. *Novoye proshloye* [New Past], 2018, no. 1, pp. 275–290. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-1-275-290

6. Venkov A.V. Potomstvennye kazaki i sovremennoe kazachye dvizhenie na Yuge Rossii [Hereditary Cossacks and the Modern Cossack Movement in the South of Russia]. *Yug Rossii: problemy, prognozy, resheniya* [South of Russia: Problems, Forecasts, Solutions]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2010, pp. 128–142.

7. Voskobojnikov G.L. *Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.* [Cossacks and Cavalry During the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Izd-vo Rossiyskoy kinovideokompanii, 1993. 311 p.

8. Voskobojnikov G.L. *Sovetskaja konnica v Velikoy Otechestvennoj* [Soviet Cavalry in the Great Patriotic War]. Moscow, Veche Publ., 2008. 313 p.

9. Gorjunov P.M. *O kazachyem voprose: (Iz nabljudenij i opyta raboty po Ejskomu rajonu Donskogo okruga)* [About the Cossack Question (From Observations and Work Experience in the Yeisk District of the Don Circuit)]. Novocherkassk, DODN Publ., 1925. 32 p.

10. Demidova A.N. *Raskazachivanie v Hoperskom okruge v 1918–1931 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [De-Cossackization in the Khopersky Circuit in 1918–1931. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2002. 148 p.

11. Drobjazko S.I., Karashchuk A. *Vostochnye legiony i kazachyi chasti v vermahte* [Eastern Legions and Cossack Units in the Wehrmacht]. Moscow, AST Publ., 2000. 55 p.

12. Drobjazko S.I. *Pod znamenami vraga. Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskih vooruzhennyh sil. 1941–1945 gg.* [Under the Banners of the Enemy. Anti-Soviet Formations in the German Armed Forces. 1941–1945]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 608 p.

13. Kislicyn S.A. Kazaki i nep [Cossacks and NEP]. *Istoriya donskogo kazachestva: kollektiv. monogr.: v 3 t. T. III. Donskoe kazachestvo na perelome epoh (XX – nachalo XXI v.)* [The History of the Don

Cossacks. Collective Monograph in 3 Vols. Vol. 3. Don Cossacks at the Turning Point of Epochs (20th – Early 21st Century)]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, pp. 153–158.

14. Klyuchevskiy V.O. *Aforizmy. Istoricheskiye portrety i etyudy. Dnevniky* [Aphorisms. Historical Portraits and Studies. Diaries]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 415 p.

15. Kozhanov A.P. *Donskoe kazachestvo v 20-h godah XX veka* [Don Cossacks in the 20s of the 20th Century]. Rostov-on-Don, Donskoj izdatelskij dom, 2005. 292 p.

16. Kozlov A.I. *M.A. Sholohov: Vremena i Tvorchestvo. Po arhivam FSB* [M.A. Sholokhov: Times and Creativity. According to the FSB Archives]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2005. 480 p.

17. Krikunov P.N. *Kazaki. Mezdu Gitlerom i Stalinym* [Cossacks. Between Hitler and Stalin]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 608 p.

18. Krinko E.F. Sozdanie kavalerijskih soedinenij Krasnoj armii na juge Rossii i ih sudba v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Creation of Cavalry Formations of the Red Army in the South of Russia and Their Fate During the Great Patriotic War]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 2014, no. 1, pp. 26–39.

19. Krom M.M. Povsednevnost kak predmet istoricheskogo issledovaniya [Everyday Life as a Subject of Historical Research]. *Istoriya povsednevnosti: sb. nauch. rabot* [The History of Everyday Life. Collection of Scientific Papers]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, Aleteyya, 2003, pp. 7–14.

20. Kurkov G.M. *Kubanskiye i donskiye kazachyi kavaleriyskiye formirovaniya v 1936–1945 gg.: istoricheskoye issledovaniye: dis. ... kand. ist. nauk* [Kuban and Don Cossack Cavalry Formations in 1936–1945: A Historical Study. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006. 257 p.

21. Lysenko N.N. *Genocid kazakov v Sovetskoj Rossii i SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya* [The Genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918–1933. Experience of Ethnopolitical Research]. Rostov-on-Don, Altair LLC Publ., 2017. 633 p.

22. Masalov A.G., Matishov G.G., Tyumentsev I.O., eds. *Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva: predposylki i faktory vznikoveniya, razvitiya i institucionalizacii* [The Movement for the Revival of the Cossacks: Prerequisites and Factors of Emergence, Development and Institutionalization]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS, 2014, pp. 365–381.

23. Matishov G.G. *Donskie kazaki: ot opory samoderzhavija do zhertv bolshevizma (XVIII–XX vv.)*

Zametki na poljah istorii [Don Cossacks: From the Support of Autocracy to the Victims of Bolshevism (18th–20th Centuries). Notes on the Margins of History]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2013. 272 p.

24. Matishov G.G., Savelyeva O.S., Slyunina E.Yu. *Cimljanskaja plotina: poslednij akkord raskazachivaniya na Donu* [The Tsymlyanskaya Dam: The Final Chord of Decossackization in the Don Region]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2019. 216 p.

25. Oskolkov Ye.N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty [The Tragedy of the “Chernodosochny” Cossack Villages: Documents and Facts]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series], 1993, no. 1-2, pp. 3-23.

26. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazachye-krestyanskoye samoupravleniye epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnosheniy na Yuge Rossii v 1920-ye gody* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Era: Problems of Modernization of Power Relations in the South of Russia in the 1920s]. Novocherkassk, Lik Publ., 2014. 308 p.

27. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazaki i krestyane Yuga Rossii v 1920-kh godakh: sotsialno-politicheskaya zhizn i khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatelnost: dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks and Peasants of the South of Russia in the 1920s: Socio-Political Life and Economic Activity. Dr. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2016. 617 p.

28. Panteleev E.V. *Verkhnedonskie okruga: problemy socialno-politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya (1918–1927 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Verkhnedonsky Districts: Problems of Socio-Political and Economic Development (1918–1927). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2005. 24 p.

29. Perekhov Ya.A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiya* [Power and Cossacks: The Search for Consent]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1997. 178 p.

30. Piskunov N.V., Redkina O.Yu. Donetsko-Donskaya i Kavkazskaya yeparkhiya Drevlepravoslavnoy tserkvi, priyemlyushchey Belokrinitskuyu iyerarkhiyu, v dokumentakh arkhivov Rossiyskoy Federatsii [Donetsk-Don and Caucasian Eparchy of the Old Orthodox Church, Accepting the Belokrinitsky Hierarchy. In the Documents of the Archives of the Russian Federation]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], 2016, no. 2 (12), pp. 169-187.

31. Plan raboty organizacionno-raspredelitel'nogo otdela VKP(b). T. I (1927 g.) [Work Plan of the Organizational and Distribution Department of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Vol. 1 (1927)]. *Centr dokumentatsii novejshej istorii Rostovskoy oblasti (CDNIRO)* [Center for

Documentation of the Modern History of the Rostov Region], col. 5, inv. 1, no. 141. 213 l.

32. Rvacheva O.V. *Politika partijno-sovetskih organov i socialno-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v period socialisticheskoy modernizatsii 1920–1940 gg.* [The Policy of the Party-Soviet Bodies and the Socio-Political Sentiments of the Don Cossacks during the Period of Socialist Modernization of 1920–1940]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. in-ta upravleniya – fil. RANKhiGS, 2017. 232 p.

33. Revin I. A., Skorik A.P. Pravoslavnyy khram v istoricheskoy sobytiynosti donskoy stanitsy Kamenskoy [Orthodox Church in the Historical Eventfulness of the Don Village of Kamenskaya]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in Detail], 2011, no. 6 (12), pp. 76-81.

34. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Transformatsii kultury kazachestva Juga Rossii v XX v. [Transformations of the Culture of the Cossacks of the South of Russia in the 20th Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS, 2014, pp. 516-536.

35. Ryblova M.A. Aktualnye problemy issledovaniya tradicionnoy kultury donskikh kazakov v usloviyah socialisticheskoy modernizatsii: postanovka problemy [Actual Problems of the Study of the Traditional Culture of the Don Cossacks in the Conditions of Socialist Modernization: Statement of the Problem]. *Problemy i perspektivy socialno-ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo razvitiya yuzhnykh regionov* [Problems and Prospects of Socio-Economic, Scientific and Technical Development of the Southern Regions]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2009, pp. 287-289.

36. Ryblova M.A. Traditsionnaya kultura donskikh kazakov v period sotsialisticheskoy modernizatsii [Traditional Culture of the Don Cossacks During the Period of Socialist Modernization]. Zagorulko M.M., ed. *Strezhen: nauch. yezhegod. lyp. 11* [Strezhen: Scientific Yearbook. Iss. 11]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013, pp. 165-177.

37. Skorik A.P. *Atamany i kazaki Konstantinovskogo yurta v postsovetskoy Rossii* [Atamans and Cossacks of the Konstantinovskiy Yurt in Post-Soviet Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2019. 224 p.

38. Skorik A.P. Verkhne-donskiye okruga i kazachye zemlepolzovaniye po arkhivnym dokumentalnym istochnikam v seredine 1920-kh gg. [Upper-Don Curcuits and Cossack Land Use According to Archival Documentary Sources in the Mid-1920s]. *Iz istorii i kultury lineynogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy odinnadtsatoy Mezhdunar. Kubansko-Terskoy nauch.-prakt. konf.*

[From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus: Proceedings of the Eleventh International Kuban-Terek Scientific and Practical Conference]. Armavir, IP Shurygin V.Ye. Publ., 2018, pp. 111-115.

39. Skorik A.P. Donskoe kazachestvo v nachale 1950-h gg. [The Don Cossacks in the Early 1950s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2013, no. 1, pp. 64-72.

40. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. *Doncy v 1920-h godah: ocherki istorii* [Donets in the 1920s: Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2010. 244 p.

41. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. Kazak stanitsy Goryachevodskoy: mekhanizmy stalinskoj mifologii [Cossack of the Village of Goryachevodskaya: Mechanisms of Stalinist Mythology]. *Rodina* [Motherland], 2010, no. 3, pp. 113-115.

42. Skorik A.P. Kazakija: postulaty, vlast, praktika [Cossacks: Postulates, Power, Practice]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 6, pp. 58-64.

43. Skorik A.P. *Kazachiy Yug Rossii v 1930-ye gody: grani istoricheskikh sudeb sotsialnoy obshchnosti* [Cossack South of Russia in the 1930s: Facets of the Historical Destinies of a Social Community]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2009. 508 p.

44. Skorik A.P. *Milyutinskiy kazachiy yurt: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Milyutinsky Cossack Yurt: Experience of Historical Reconstruction]. Novocherkassk, Lik Publ., 2015. 1184 p.

45. Skorik A.P. *Mnogolikost kazachestva Yuga Rossii v 1930-ye gody: Ocherki istorii* [The Diversity of the Cossacks of the Russian South in the 1930s. Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2008. 344 p.

46. Skorik A.P. Raskazachivanie kak politika i socialnyj process na Donu v 1920-e gody [Raskazachivanie as a Policy and Social Process in the Don Region in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 102-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.9>

47. Skorik A.P., Ozerov A.A. *Etnosotsialnyy adres dontsov. Nauchno-polemicheskiy diskurs* [Ethnosocial Address of the Don People. Scientific and Polemical Discourse]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2005. 232 p.

48. Tezisy o rabote prokurorskogo nadzora v derevne (1925 g.) [Theses on the Work of the

Prosecutor's Supervision in the Village (1925)]. *Centr dokumencii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO)* [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region], col. 5, op. 1, no. 33. 188 l.

49. Tikidzhjan R.G., Bondarev V.A. Etapy i tendencii sociokulturnoj transformacii donskogo kazachestva (vtoraja polovina 1940-h – seredina 1980-h gg.) [Stages and Trends of Socio-Cultural Transformation of the Don Cossacks (Second Half of the 1940s – Mid-1980s)]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2019, no. 3, pp. 68-74. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74

50. Trut V.P., Narezhnyj A.I. Ob uchastii donskogo kazachestva v Velikoj Otechestvennoj vojne v 1941 godu [About the Participation of the Don Cossacks in the Great Patriotic War in 1941]. *Bylyye gody* [Bygone Years], 2015, no. 36 (2), pp. 421-429.

51. Fomenko V.D. *Pamyat zemli: Roman* [Memory of the Earth. Novel]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1966. 311 p.

52. Chernopitsky P.G., Ratushnyak V.N., Shchetnev V.Ye., eds. Ob odnom istoricheskom mife [About one Historical Myth]. *Kubanskoye kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., stanitsa Poltavskaya Krasnodarskogo kraja, 23–27 sentyabrya 1996 g.* [Kuban Cossacks: Three Centuries of Historical Path. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, the Village of Poltavskaya, Krasnodar Territory, September 23–27, 1996]. Krasnodar, 1996. pp. 277-281.

53. Jurchenko I.Ju. *Izuchenie kazachestva v novejshej otechestvennoj istoriografii 1981–2012 gg. (bibliometrija i statisticheskij analiz): Istoriografiya kazachestva. Kniga vtoraya* [The Study of the Cossacks in the Latest Russian Historiography Between 1981–2012. (Bibliometry and Statistical Analysis): Historiography of the Cossacks. The Second Book]. Moscow, MGUP Publ., 2013. 474 p.

54. Yurchenko I.Yu., Arnold R. Kazachestvo v istorii i istoriografii: novyye syuzhety, podkhody i metody izucheniya kazakov na kruglom stole v YuFU [Cossacks in History and Historiography: New Plots, Approaches and Methods for Studying the Cossacks at the Round Table in SFU]. *Novoye proshloye* [New Past], 2020, no. 4, pp. 308-313.

55. Yakhutl Yu.A. *Nep i krestyansko-kazachye hozyajstvo Sovetskoj Rossii (na materialah Dona i Kubani)* [NEP and Peasant-Cossack Economy of Soviet Russia (Based on the Materials of the Don and Kuban Regions)]. Krasnodar, Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 2020. 234 p.

Information About the Authors

Alexander P. Skorik, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor, Department of Social and Human Sciences, Platov South-Russian State Polytechnic University, Prosveshcheniya St, 132, 345428 Novocherkassk, Russian Federation, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Vitaly A. Bondarev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Gagarin Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, vitalijj-bondarev27@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

Gennady G. Matishov, Doctor of Sciences (Geography), Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Adviser, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4430-5220>

Информация об авторах

Александр Павлович Скорик, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 345428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, s_a_p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vitalijj-bondarev27@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-3564>

Геннадий Григорьевич Матишов, доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, matishov_ssc-ras@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4430-5220>